

Наталья ПАТРАЦКАЯ

**АКВАМАРИНОВАЯ
БРОШЬ**

Наталья Патрацкая
Аквамариновая брошь
Серия «Короткие романы», книга 12

<https://litres.ru/74017258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда сказочная жизнь в молодости переходит в обычную жизнь в более зрелом возрасте, так произошло с необычной феей округа.

Содержание

Глава 1. Тайная дверь бассейна	4
Глава 2. Общественный интерес	23
Глава 3. Многоярусный столик	44
Глава 4. Пришелец из округа Пики	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Наталья Патрацкая

Аквамариновая брошь

Глава 1. Тайная дверь бассейна

Мартин вышел из приемной в дверь для посетителей. В следующей комнате его облепили биологические летучие мыши. Они крутились вокруг него, назойливо липли к его телу, щебетали почти понятные слова. И из его головы вылетело задание Нимфы Игоревны. От прикосновений мышей он забыл все, кроме одного желания — вылезти, выползти, уйти, убежать от стаи непонятных существ. Его голова закружилась, как у дамочки, и он упал, покрытый летучими мышами. Он хотел крикнуть, но на его губах сидела мышь и практически целовала его губы. Остальные мыши ласкали его так усиленно, что он почувствовал себя почти на грани блаженства, после которой начинается страшная ненависть.

Шорох шелка возвестил о прибытии Нимфы Игоревны. При ее появлении все летучие мыши отлетели от своей жертвы. Мартин открыл глаза.

— Мартин, иди за мной, — тихо проговорила Нимфа Игоревна.

Мартин в сопровождении стаи мышей пошел за дамой в комнату, обтянутую голубоватым шелком. Они прошли по

синему ковру и очутились на краю чудовищно огромной кровати, покрытой голубоватой тканью, такой мягкой, что она казалась нереальной.

— Стоп! — крикнула Нимфа Игоревна, и стая мышей отлетела от них, показывая дорогу к бассейну.

Мартин в сопровождении летучих придворных прошел к воде со страшным ощущением, что Нимфа другого цвета не знает и не чувствует. И точно. В трех треугольниках одежды женщина нырнула в бассейн, слишком даже спортивно для такого момента. Мартин нырнул следом за ней с приятным чувством, что мыши за ним не последовали. Под водой он открыл глаза и увидел, что Нимфа зовет его к люку в стене бассейна. Ему стало страшно, и он вынырнул, тут же облепленный мышами. Нимфы он не увидел и вспомнил ее подводное приглашение. Он кинул прощальный взгляд на кричащих мышей и нырнул в сторону люка под водой.

Люк оказался удивительно близко. Нимфы в бассейне не было. Он посмотрел на люк и увидел ее лицо с той стороны прозрачной двери люка, она звала его к себе. Он тронул рукой прозрачную дверь, и рука исчезла в двери. Он коснулся головой непонятной материи и в мгновение ока оказался вне бассейна, рядом с Нимфой.

— Что это было? — спросил Мартин.

— Тайная дверь из нового прозрачного материала, обладающего проходимостью при соприкосновении с живым человеком. Материал герметичен при соприкосновении с во-

дой.

— Чья разработка? — невольно спросил Мартин.

— На вопрос не отвечу.

Мартин с удивлением посмотрел на Нимфу Игоревну, на ней не было ничего голубоватого, она стояла перед ним в кремовом платье до пола, ее светлые волосы были сухими и струились приятными волнами по ее плечам. Она заметила его удивление.

— Не удивляйся, у меня есть сфера для укладки волос. Прическа за минуту. Именно пару минут тебя и не было.

— Зачем я тебе нужен? Я думал...

— Не думай. Я нормальная женщина, а не фурия. Иди за мной.

Она вошла в дверь и исчезла. Он почувствовал теплые потоки воздуха, посмотрел перед собой, заметил себя, причесанного, в серой одежде в зеркале. Он подошел к нему, дотронулся рукой до зеркала и оказался за ним. Перед ним в кресле сидела Нимфа Игоревна.

— Красив! Прекрасно выглядишь! Ты мне нравишься.

— Нимфа, а ты не исчезнешь?

— Теперь нет. Думаю, ты заметил необыкновенное зеркало? Так вот, Мартин, ты знаешь о секретах нашего округа Изумруд. Что из этого следует? Там, где мы сейчас находимся, ушей нет.

— Быть не может.

— Точно. Мартин, ты знаешь то, чего хотят люди? Не пы-

тайся пересказывать. Мы создали сферу, в которой ничего у человека не болит, пока работает его сердце. Я не шучу. Подойти ко мне, посмотри в это стекло, за ним находится рай округа, или пансионат "Здоровый миг". Нет, там не мертвые люди, там живые и все здоровые. Время нахождения в раю ограничено их деньгами либо чем—то ценным для них. В обычной жизни они устали от различных болей. Здесь, в этом эдеме, они все молоды и здоровы и в том возрасте, который сам себе выбрали.

— Сказка, — прошептал Мартин.

— Нет. На каждом человеке есть мантия из секретного вещества, она создает ему нужную фигуру и обезболивает организм. Человек выглядит на пределе своих возможностей и чувствует себя хорошо на то время, которое он у нас купил.

— Нимфа, это садизм! А что с ними бывает после того, как их время пройдет?

— Они проходят сквозь стену праха и исчезают в неизвестности вечности.

— Ты хочешь сказать, что это их последние часы жизни?

— Да, но посмотри — они счастливые!

— О, так здесь вся онкология и прочие болезни!

— Почти угадал. Редкий здоровый человек захочет отдать все свое недвижимое и движимое имущество за счастье побыть здоровым.

— А как они сюда попадают?

— Это секрет не твоего уровня.

— Зачем я тебе понадобился? — испуганно спросил Мартин.

— Понимаешь, эти люди могут знать много интересного, но передают секреты только в этом обществе и ради минутного престижа. Ты пойдешь к ним и познаешь их тайны. Это твоя специальность.

— Боюсь. Мне страшно.

— Твое право на страх я не отменяю, но мне нужен свой человек среди них. Не бойся, они не заразные, они действительно здоровы, а когда они почувствуют приближение своего конца, они подойдут к стене праха, коснутся ее и исчезнут за ней навсегда. Эту стену не трогай, сам исчезнешь.

— Покажи, где она находится на плане, а они о ней знают? — спросил Мартин.

— Посетители знают, если им станет больно, надо подойти к стене и стена обезболит. Из-за той стены к ним никто не возвращается, поэтому они верят в справедливость жизни.

Марину и Мартина развела Рая, когда они все были молодыми. Марина ходила в платье с яркими подсолнухами. Ее голову украшала русая коса, которую она заплетала, переплетала и закручивала на затылке. Ее грудь дышала среди подсолнухов, верхняя часть груди выглядывала из желтых цветов и привлекала внимание мужчин. Богдан красивый мужчина, а тогда он был молодой и красивый. А рядом с ним цвели подсолнухи, сквозь которые трудно было заме-

тить Марину, если они приходила в серой или синей одежде.

Рая часто плакала от усталости или обиды. Дома у нее был муж, который забирал всю ее женскую энергетику. Могла ли она заглядываться на Мартина? Скорее нет. И он нет. Мартин был братом ее мужа, он видел ее слезы, но никогда ее не утешал. Марина знала Раю, но никогда ее не успокаивала, она нападала на нее словесно и вела некую доминирующую перепалку.

Сестра Раи – Фая не прочь была дружить с Ильей.

Марине нравился муж Раи, чтобы приблизиться к нему, она приблизилась к ней. Марина стала приходить к Рае домой под любым предлогом, она легко придумывала любое дело, потом оставалась у нее дома, но без нее с ее мужем наедине. Богдан сам сказал Рае, что Марина к нему тянется, но ему не нравится ее фигурка, не его формат. Ее его холодность не останавливала. Марина плотно стала с Раей дружить, успокаивать, настраивать и перенастраивать, если она ей это позволяла. И, естественно, что к Рае домой она ходила, когда хотела.

Мартин иногда общался с Раей, если они пересекались по работе, что было довольно редко. Она его иногда видела вне работы. Марина общение с Раей не прерывала, она стала приглашать ее к себе домой, но не одну, а вместе с мужем. Они перешли на уровень - дружить семьями. Но так трудно было понять, где Рая, а где Фая, пока Рая первой не стала матерью.

Рая, после рождения ребенка, оказалась во власти собственной сестры Фаи, копии ее. Отец у них в свое время был домашним деспотом, после его ухода его в деспотизме заменила дочь Фая. Так, что Рая из рук в руки перешла по наследству в прямом смысле этого слова. Чем это плохо? Не дают изменять квартиру с помощью косметического ремонта.

У Фаи есть своя работа, которой она занимается дома. Рая ей не мешает, а помогает по мере сил. Фая по молодости еще влюблялась, или позволяла себя любить, но чем старше она становилась, тем дальше уходила она от проблем, связанных с любовью. Работает она в женском коллективе, попытки мужчин войти в ее общество безуспешны. Мало того Фая не подпускает мужчин к Рае, она их всех элементарно прогоняет, выполняя обязанность охранника.

А без любви жизнь скучна. Итак, Фая любовью не снимет внутреннее напряжение, она снимает его бутылкой шампанского очень хорошего качества. Рая только собирает пробки от этих бутылок, чтобы сестра видела результаты от выпитых бутылок.

Рая и ее дочка живут в одной комнате, как когда-то сестры жили в комнате со своей бабушкой. Прошло с тех пор много лет, и ничего не изменилось в жизни. Тогда телевизоры были черно – белые, одна программа и маленькие, сейчас плоские, цветные, огромные с большим количеством программ.

Осенняя сырость бродила среди редкой желтой листвы,

упрямо висящей на мокрых деревьях. Небо цвета серой сырости угрюмо смотрело на остатки цветной осени. Инга вышла на крыльцо дома, напоминая несорванную листву. Она прицепилась к Борису Ивановичу как банный лист и стала серой, как это невыразительное небо.

Настроение Инги несколько не отличалось от общей атмосферы очередного потепления. Ей захотелось покинуть гостеприимный дом и уйти в прошлую жизнь репортажей о театральной жизни режиссера Тимофея Куклина. Мир изобретателя ее порядком утомил. Поддакивать его техническим мыслям она была не в силах, не ее это сфера обсуждений, прямо скажем — не ее!

Инга вернулась в дом, собрала вещи и вновь вышла на крыльцо под редкие капли дождя. Она решительно вышла за ворота особняка и покатила саквояж навстречу судьбе.

Инга Зеленая продолжает работать журналисткой, или просто ведет свой блок. Феликс немного располнел. Инга не смогла долго жить с магом Борисом Ивановичем, она вернулась к мужу Феликсу. Инга в присутствии Феликса опять набрала несколько лишних килограмм. Оба отказались от использования приборов Владимира Ивановича. Им было хорошо.

Шпион Пион перестал посещать фирму нестандартных приборов, говорили, что он уехал на Нетронутый остров.

Добрыня Никитич продолжает быть главой округа «Изу-

мруд», что касается Нимфы Игоревны, она не умерла, здравствует. Официально она является женой Добрыни Никитича, но ведет обособленную от него жизнь, весьма скрытную до такой степени, что ее случайно объявили умершей. Это дело рук журналистки Инги Зеленой.

Владимир Иванович продолжает работать в области неизведанного, он все пытается управлять чувствами человека благодаря действию на них с необыкновенных приборов.

Марина Романовна не осталась министром, но после возвращения из подводного дома, она окончательно рассталась с Мартином. Ее Клапан жизни постоянно вещал, что она должна вернуться к магу Владимиру Ивановичу Грановскому. Ей ничего не оставалось, как вернуться на работу. Илью она давно не видела, куда-то уехал по делам.

В кабинет Грановского влетел молодой человек с крепким животом и закричал:

— Вот, посмотрите, какой у меня живот! Я не могу его уменьшить с помощью прибора "Аппетит"! Мой аппетит не уменьшается! Ваш прибор не работает!!!

— Можно я посмотрю на настройки прибора? — спросил Владимир Иванович и взял у молодого человека прибор "Аппетит". — Вы поставили стрелку в другую сторону, вот и вся проблема.

— А вы не могли сделать прибор без стрелок?

— Прибор многофункционален.

— Поставьте на уменьшение аппетита, — попросил кли-

ент затравленным голосом.

— Уже готово. Всего Вам доброго! И пониженного Вам аппетита! — бодро проговорил Владимир Иванович.

— Спасибо я Вам не скажу! Я за прибор уже заплатил, — проговорил полный человек.

Весь разговор слышала Инга. Она на подаренном приборе "Сердечко" выставила данные этого мужчины очень просто: она навела на него стрелку, прибор прошил клиента и прицепился к нему мертвой хваткой.

Молодой человек весь передернулся и впился глазами в Ингу:

— Я Вас люблю! — сказал он, не понимая смысла того, что сказал.

— Меня? — удивилась Инга.

— Вас. Правда, не знаю почему, — озадаченно ответил молодой человек.

— Господа, я понимаю ваши чувства! Идите в парк, он в трех минутах ходьбы, там и выясняйте свои отношения! — начальственно проговорил Владимир Иванович.

— Да, да, конечно, — пролепетал молодой человек. Взяв Ингу под руку, он вышел с ней из кабинета.

Инга не ожидала такой концовки разговора и шла как привязанная к молодому человеку с круглым животом. Но, выйдя на улицу, спросила:

— Простите, а Вы кто?

— Я — абориген городской. Местный я.

— А как такой живот наели?

— Не знаю. Живот сам растет. Я был стройным, молодым, красивым! Мне девушки улыбались. Сейчас я ничей.

— А живете где? Где Ваш дом?

— Где хочу, — беспечно ответил молодой толстяк. — Вы не поняли? Где кушать захочу, там и живу! У меня несколько квартир. Мне приходится часто ездить, где голод меня застанет, в той квартире и останавливаюсь.

— А жен у Вас тоже несколько?

— Никто меня не любит.

Инга жила в старом доме с высоким потолком и малым набором удобств, ей захотелось побывать в квартирах толстяка. В квартире красавца Мартина она уже была. Делать ей в его доме больше нечего. Но несколько квартир!

— Как Вас зовут, добрый молодец?

— Феликс сын Добрыни!

— Вы администратор нашего округа? — наугад спросила Инга.

— Нет, я сын главы нашего округа Добрыни Никитича.

— Как интересно! И я Вам нравлюсь?

— О, да! Имя Ваше — Инга? Я Ваши статьи о театре и цирке читал. От отца не узнаешь ничего.

— Впервые вижу своего читателя!

— И почитателя. Ближайшая моя квартира в двух минутах езды, предлагаю в нее заехать.

— С удовольствием! — просияла Инга и села в машину

Феликса.

Машина подъехала к новому зданию, которое красиво смотрелось среди старых зданий района. Молодые люди вошли в холл, поднялись на лифте, вышли на большую лестничную площадку с двумя дверями, зашли в одну дверь.

Глаза Инги округлились и невольно стали осматривать помещение, над которым работали настоящие мастера интерьерера.

— Кухня рядом, — потащил Ингу за собой Феликс.

Они вошли в кухню, похожую на просторный ресторан. Феликс сразу опустился в кресло у стола. Откуда-то появилась женщина средних лет.

— Феликс, подать обед?

— Она еще спрашивает! — и вдруг неожиданно для себя он ответил: — Я не хочу есть!

Женщина от неожиданности присела на край маленького дивана.

— Инга, ты видишь шок повара? Пиши. Разрешаю. Хочешь кушать? Тебе принесут обед. Не бойся, у нас все вкусно!

— Я в этом не сомневаюсь и не откажусь, — ответила Инга с восторгом, оглядывая помещение, в котором все было красиво, добротно, современно. Она с аппетитом съела предложенную пищу. Она наслаждалась едой и видом помещения, в котором находилась по воле случая.

Феликс посмотрел, как Инга поглощает продукты, и сказал:

— Впервые вижу, что кто-то ест, а я — нет! Приятно!

— Я ничего подобного не ела, — промурлыкала довольная Инга.

— Ты меня радуешь! Знаешь, как трудно быть ходячим мячом?

— Не знаю. Я худая с тех пор, как себя помню.

— Инга, поживи в моей квартире. Я буду сюда приезжать. Тебя здесь будут кормить до отвала.

— У меня работа! Мне надо быть в театре.

— Считай, что у тебя отпуск от твоей работы. Здесь поживи. Повар живет рядом, а здесь готовит. Продукты мне развозят по моим квартирам.

Повар, убрав со стола, вскоре ушла домой.

— Феликс, а повар говорить умеет? — спросила довольная жизнью Инга.

— Наверное. Но со мной повар не разговаривает. Она просто готовит и угадывает то, что я хочу съесть.

Инга объелась, но признаваться в этом она не хотела. Она полулежала на кушетке. Ей лень было пошевелиться. Зато Феликс бегал по квартире и радовался тому, что он кушать не хочет! Он остановился перед сытой Ингой и удивленно заметил, что она красивая.

— Инга, ты очень красивая! Ты просто чудесная девушка.

— И ты красивый, — выдавила из себя Инга, засыпая от

незнакомой для нее сытости.

— Я тебе нравлюсь? — с нескрываемым волнением спросил Феликс.

— Да, — сказала она, прикрывая тяжелые веки.

— И тебя не смущает мой круглый живот? — спросил он с надеждой на отрицательный ответ.

— Нет, — прошептала сквозь сон Инга и окончательно уснула.

Повар в еду добавляла успокаивающие добавки, которые сморили Ингу, не подготовленную к такой пищевой атаке. Феликс подозревал нечто подобное. Увидев спящую Ингу, он уверился в своих догадках. Раньше он всегда много ел и много спал. Инга уснула крепким сном.

Повар ушла.

Феликс стал обходить квартиру. Что он искал, он не знал, но в кухню он не заглядывал. Есть он не хотел. Ему все больше нравилась спящая девушка. Его друзья звали его евнухом. Он не обижался. Он вообще всегда хотел кушать. Что такое любить женщину, он не знал. Его живот был такой большой, что он давно не видел то, что под ним находится.

Ему всегда было тяжело, душно и противно буквально от всего. Он пытался вести активный образ жизни, но засыпал раньше очередной попытки. Хорошо, что в короткий период отсутствия сна он набрел на прибор "Аппетит". Он пошел на кухню, сделал себе черный кофе без сахара и выпил эту черную мглу.

Молодой человек захотел втянуть живот, но у него ничего не получилось. Он лег на пол и попытался приподняться на руках, но живот держал его на почтительном расстоянии от пола. Он лег на спину, сделал попытку поднять ноги. Но выше угла в сорок пять градусов ноги не поднимались.

Феликс задышал тяжело и подумал, что у него все получится, если вместо него будет кушать Инга, а прибор "Аппетит" будет снижать его чувство голода. Он достал прибор, посмотрел на стрелку, повернул ее в сторону "аппетит — ноль". Феликс поднялся с белого ковра, лежащего на полу. Он страстно захотел стать стройным! А все остальное — потом.

О Инге Зеленой все забыли. Она жила в доме Феликса и усиленно питалась. Он почти не ел, пил соки и воду. Она ела все, что повариха готовила ему. У него брюки в талии стали свободными. Она не могла надеть свою одежду. Феликс купил ей десяток халатов, чтобы она не ощущала свой новый вес, халаты скрывали изменения ее фигуры. Нет, пока она плыла только от избытка пищи. До любви они не доходили.

Феликс худел тяжело, особых сил у него не было. Спал он меньше Инги, и это его радовало. Повариха все доложила Добрыне Никитичу, но тот был занят очередными выборами и в жизнь сына не вмешался, тем более что ничего страшного не происходило. Молодой человек не хотел много есть, ну и что?

Вскоре Феликс стал ощущать легкость. Он уже выполнял

некоторые упражнения. Он доставал до пальцев ног. Он с удовольствием надел джинсы меньшего размера. Инга одобряла его новый внешний вид. Ей нравилось жить в его квартире, смотреть на плоский экран телевизора. Она всегда знала, что она худая, и о своей фигуре не беспокоилась.

Они жили как сообщающиеся сосуды: его жир переходил к ней медленно, но верно. Он это видел. А она отдыхала за всю свою суетную жизнь и жила в полусне благодаря пищевым добавкам.

На ней всегда была майка и халат. Майки были куплены с одинаковым рисунком, но разного цвета. Он убирал из употребления те, из которых она вырастала. Так же было и с халатами.

Любопытно, но у нее не было желания выйти на улицу. В доме все делала приходящая домработница. Ингу не тревожили по приказу Феликса, он боялся остаться без нее. Ему казалось, что если она похудеет, то он опять начнет толстеть. Инга становилась блеклой, неухоженной, толстой. Феликс становился все более стройным, он отрастил волосы, которые ему укладывали в прическу. Он менял одежду и обувь. Голод его не мучил под воздействием прибора "Аппетит". Он с удовольствием отжимался уже раз десять от пола, а ноги поднимал на девяносто градусов.

И в какой-то момент он заметил, что ленивая домашняя Инга — девушка. Она в это время не спала и заметила, что Феликс — привлекательный молодой человек. Дома никого

не было. Они по очереди встали на электронные весы: вес был у них одинаковый. Прибор "Сердечко" и прибор "Аппетит" выключились одновременно, уловив сигнал весов. Но их сердца уже хотели трепетных отношений и любви. Им все было в диковинку, хотя вместе они прожили месяца три, но больше походили на сосуды для перекачки жира. И вот они уравнились.

Инга ходила по квартире и искала зеркало, но его не было. Она больше не хотела спать. Она заметила жиры на своем теле, ужас пронзил ее сознание. Она заметила относительную стройность Феликса. Он ей понравился.

— Инга, ты — чудо! Ты меня вернула к жизни! — ласково воскликнул Феликс.

— Я жирная! — крикнула, чуть не плача, Инга. — Я толще тебя!

— Ты меня спасла! У нас все будет отлично! — воскликнул счастливый молодой человек.

В отсутствии Инги производственные отношения Марины с Мартином пришли в норму, они работали на своих местах и не реагировали друг на друга.

Владимиру Ивановичу позвонил Феликс:

— Вы понимаете, что я продолжаю худеть? Я уже тощий! Что делать?

— В профилакторий идти! — сказал он и потянул руку к прибору "Коньячный поцелуй".

Раздумья Владимира Ивановича прервала Инга, она во-

шла в его кабинет и закрыла собой весь свет.

— Владимир Иванович, посмотрите, что Вы из меня сделали! Вам не стыдно?

— Инга, прости! Я не поставил защиту против глупости. Судя по тебе, наш прибор "Аппетит" хорошо работает. При продаже необходимо блокировать лишние функции прибора, чтобы потребитель их не смог перенастроить.

— Вы мне это говорите? Это мне неинтересно! Вы сделайте меня худой и стройной! Я не сбрасываю вес, он только набирается! Вы на Феликса посмотрите! Он совсем тощий стал! — кричала и причитала Инга на все лады.

— Инга, ты права. Я забыл поставить ограничитель уменьшения веса.

В комплекте к прибору надо продавать личные электронные весы, которые напрямую должны работать с прибором "Аппетит".

— Владимир Иванович, Вы мне свои мечты не рассказывайте, лучше мне ответьте! Я требую сатисфакции!

Владимир Иванович посмотрел на Ингу:

— Женщина, не кричи! Я думаю.

— Вы меня не разжалобите! Отвечайте за свои приборы!
— закричала с новой силой Инга.

— Не спеши. Все будет. Я уже придумал. Исполнители у меня есть.

— Вы что себе под нос шепчете? Мне ответ дайте: когда вес начнет покидать мое тело?!

— Скоро. Потерпи пару недель. Мы усилим прибор, добавим ограничители, соединим с весами, которые будут блокировать ненужные клиенту параметры.

— Понятно. Тогда что я здесь делаю? Я могу уйти домой на две недели?

— Думаю, да. Тебя в профилактории нашей фирмы никто не держит.

— А Феликс может уйти со мной?

— Нет! — вскрикнул Владимир Иванович. — Феликс перешел разумные границы изменения массы тела! Он в дистрофика превращается! Его состояние несовместимо с жизнью!

— Владимир Иванович, Вы говорите, будто у Вас есть медицинское образование, — вставила Инга свое слово.

— Не без этого. Приходится изучать медицину в рамках необходимости. У меня консультанты — медики. И в данный момент тебя с Феликсом необходимо отделить друг от друга на расстояние, на котором приборы не действуют. Понимаешь, приборы, оказывается, мини—роботы. Они тоже любят дружить парами и при этом не всегда помогают хозяевам.

— Феликсу не дадут погибнуть?

— Нет. Быстро покидай профилакторий! И уезжай подалее недели на две! Можешь сделать доброе дело для Феликса? Беги! Чего стоишь? Спасать парня надо!

Глава 2. Общественный интерес

Инга физически не могла бежать. Ей было тяжело и мучительно стыдно за свой внешний облик. Она всегда унижала тех, кто был толще ее, а теперь сама попала в эту жуткую свиную оболочку. Она пошла к выходу из профилактория, остановила такси, доехала до дома, посмотрела на свои сбережения. Благодаря жизни с Феликсом у нее были деньги на поездку. Она нашла прибор "Аппетит", взяла молоток и разбила его на мелкие части. Собрала сумку. Вещей у нее на новый вес почти не было, поэтому она решила ехать туда, где тепло.

Ночью Инге снился странный сон...

«Я тень, я живая, я спряталась под сводом подошвы Феликса. Он засмеялся от легкой щекотки и почесал ногу, а заодно коснулся меня. Мне приятно, я еще больше полюбила его и свернулась в маленькое овальное пятно, чтобы не исчезнуть вовсе, и пошла вместе с ним. Он подошел к бассейну, сбросил меня вместе с башмаками и нырнул в воду. Нырнул неудачно, не было у него прибора Клапана жизни. Свернул он себе шею о дно бассейна. Подбежала охрана, его выловили и отвезли в больницу. Любая операция стоит денег. Летняя ситуация со свернутыми шеями врачам хорошо известна, не все нырятьшики выживают. За Феликса заплатили наличными и ему сделали сразу две операции. При первой

операции вынули нижнее ребро, при второй операции ребро вставили в шею. С двумя швами он вернулся в жизнь, но башмаки ему еще не светили, он лежал. Я, как его тень, отдыхала, я научилась жить под поднятыми частями тела Феликса. Ему было очень плохо, а я его утешала, как могла. Он моего присутствия не чувствовал. Я проснулась, перевернулась, посмотрела на черную ночь за окном. Я встала, подошла к окну, посмотрела на далекие и близкие звезды».

Инга подумала, что бывает так, когда наступает время остановиться в своей безумной деятельности. Не всегда она была помощником Феликса. Стоп. Стоп переделкам, стоп мыслям о Феликсе, стоп думам о других! Пора, пора выплеснуть мысли, которых нет в наличии. А, где их взять? Просто остановиться. Молодость и мысли юных всегда приветствуются, потом идет взросление, потом старение. Когда человек начинает стареть, то его все удивляет в своем самочувствии, но и это удивление проходит.

Что остается? Зарыть голову в песок безразличия к себе и замолчать. Трудно? Безвыходно. И тут голову или точнее мысли Инги посетил шпион Пион. Казалось бы, кто он? Безлик. Тщедушен. Высокомерен. Безнадежно неизвестен пространству.

Толстушка Инга Зеленая вышла на конечной остановке поезда, увидела кучку людей, предлагающих квартиры в аренду от трех дней. Она подошла к молодому человеку, сказала, что готова у него снять комнату на две недели. Молодой

человек с тоской осмотрел фигуру квартирантки, вздохнул и повел ее к старенькой пятерке. Она села на заднее сиденье и увидела маленькую лысину своего арендатора. Они вышли у небольшого дома с многочисленными постройками, покрытыми черепицей, соломой, деревом.

Инге дали комнату с большой кроватью крепкой конструкции. Душ стоял в пяти метрах от ее жилища. Она взяла легкий халат, полотенце и пошла в душ. В двери она прошла с трудом. Несколько заноз впились в ее полные руки. Вода, естественно нагретая солнцем, не радовала. Она слегка скулила от радости жизни. Но после прохладных струй жесткой воды ей стало немного лучше.

В летнем халате, надев сланцы и шляпу из ткани, она пошла в сторону пляжа. На пляже все головы как по команде повернулись к Инге. Рты открылись и закрылись. На этом общественный интерес к ее особе исчерпался. Она не стала снимать халат и радовать публику телом, а скромно села под ветвями ивы, которые едва шевелились от ветра. К ней подбежал малыш и спрятался за ней, как за пригорком, — видимо, пляжные дети играли в прятки.

Вскоре дети полили Ингу из лейки, посыпали песочком. Она с ужасом смотрела на грязный и мокрый халат, почти единственный в ее гардеробе большого размера. После детей к Инге подошла невысокая загорелая женщина и предложила заговорить ее от излишнего веса и снять порчу. Женщину перебила загорающая дама в соломенной шляпе, которая

сказала, что заговорить от жира невозможно, но можно зубы заговорить, чтобы не брать пищу ртом. Пляжный юмор скрипел на зубах Инги песком. Солнце отошло в сторону. Тень отивы исчезла. Стало нестерпимо плохо, душно, досадно. Она пошла в халате к морю и зашла в соленые волны.

У Феликса обнаружили в желудке странный нарост, перекрывающий желудок, который не пропускал пищу внутрь. Он признался, что так хотел похудеть, что прикладывал прибор к своему телу, а потом стал его привязывать, да так и спал с ним. Да, он чувствовал в этом месте небольшую боль, но считал, что прибор посылает в него свои сигналы с ориентировкой на похудение. Владимир Иванович, узнав о таком действии прибора, не удивился. Он предполагал, что нечто непонятное вполне возможно, но не до такой степени! Опухоль оказалась доброкачественного происхождения.

Но Феликс не хотел с ней расставаться, он боялся вновь растолстеть. Решили нарост уменьшить частично, поэтому залили его раствором, прекращающим рост клеток. У Феликса остался маленький шрам, но зато он вновь стал есть. Добрыня Никитич предложил сыну поехать на юг, отдохнуть после всего, что с ним произошло. Феликс подумал и согласился. Дома ему собрали багаж, довели до поезда. На последней остановке поезда он вышел, увидел встречающих брокеров, но не подошел к ним. Он предложил подошедшему к нему таксисту увезти его в самый дорогой отель города.

Феликс занял прекрасный номер на втором этаже отеля с

видом на море. Он заказал еду в номер и с удовольствием поел. Он заметил, что до состояния переедания не дошел и вовремя остановился. Он вышел на балкон, сел в кресло, посмотрел в сторону моря и увидел нечто странное: со стороны пляжа двигался колобок на ножках. Он взял бинокль и увидел лицо Инги.

Его сообщающийся сосуд был переполнен сверх всякой меры. Он позвонил, чтобы ему привели колобка в номер. Он стал наблюдать, как два чудака в ливреях подошли к Инге. Они повели ее в гостиницу. Она идти не спешила. Через пять минут Инга стояла перед Феликсом. Она с нескрываемым удивлением увидела перед собой элегантного молодого человека с идеальной фигурой. Она посмотрела на себя и вздрогнула от ужаса.

— Инга, ты почему в одежде купаешься и загораешь? Ты до чего докатилась?

— Феликс, ты изверг чистой воды! Что ты из меня сделал? Я ничего не могу и не умею делать в этом теле! Забери его себе!

— Ты где остановилась? Впрочем, понятно, что не здесь. Я помню, что своей фигурой я частично обязан тебе. Ты долго собираешься здесь отдохнуть?

— Я уезжаю завтра. Я здесь уже недели три живу вместо двух. Здесь тепло. Одеваться не надо.

— Со мной отдохнуть не хочешь?

— Чем у тебя лучше? Три твои комнаты пока пройдешь —

устать можно. Пока к тебе поднималась, вся потом умылась. А у меня дверь из комнаты выходит во двор. Я пройду по тропинке пять метров — и в душ. Красота!

— Вот нищета! С кем я связался?!

— Феликс, купи мне билет на поезд, я все проела. Я уже не знаю, как домой вернуться. Вовремя ты здесь оказался! И хозяину моему за неделю заплати.

— Инга, ты еще поправилась? У тебя что, желудок резиновый?

— Не зли, давай деньги, и я пошла.

Феликс брезгливо протянул деньги некогда худой журналистке и вымыл после нее руки. Инга взяла деньги и пошла в первое кафе, расположенное по дороге. Она поставила два стула и села на них. Она заказала почти все меню на свой стол. Феликс с балкона видел, куда она зашла. Он подождал, подождал, но колобок из кафе не выкатился. Он опять вызвал двух человек в ливреях, которые пошли выполнять его приказ. В кафе они с двух сторон приподняли колобка за руки и потащили к выходу.

Толстая Инга ругалась. Все посетители кафе наблюдали за происходящим, забыв о своих тарелках. Феликс пожалел колобка и спустился вниз. К нему подвели Ингу. Он стал звонить Владимиру Ивановичу и рассказывать о бедственном положении Инги. Она только ругалась вслед его словам.

Грановский, округлив глаза, посмотрел на вошедшую в его кабинет женщину — странное ощущение нереальности

его несколько удивило — и спросил:

— Инга, это ты?

— Я — продукт вашего прибора "Аппетит".

— Прибор для похудения, а тебя разнесло!

— Я в Вашем кабинете познакомилась с Феликсом. Мы поехали к нему домой на час, а пробыла я у него три месяца, пока наш с ним вес не сравнялся!

— Здорово! Ты стала толстуха! А Феликс как выглядит?

— Он отлично смотрится.

— Инга, тебе зарплата причитается за три месяца и премиальные за удачно проведенный эксперимент.

— Это уже лучше. Но как я похудею? Феликс очень боится моего похудения. Ему кажется, что он растолстеет, если я уменьшусь.

— Глупость, так ему и передай.

— Вы ему сами об этом скажите! Он на седьмом небе от своей новой внешности. Отец ему новый автомобиль купил за личный подвиг. А я?! Мне носить нечего! Ничего у меня из одежды на новый вес нет!

— Ты похудей, тогда старая одежда тебя спасет.

— Отличный совет! А нельзя Феликсу мозги перепрограммировать так, чтобы он оставил меня в покое, а я как-нибудь стану прежней?

— Что ты предлагаешь?

— Знала бы — не спрашивала.

— Я подумаю, но ничего пока не обещаю. Ты мне деньги

за новую разработку не заплатишь, поэтому мне нужна еще такая заявка от состоятельного человека.

— Мне работать у Вас или в редакцию возвращаться? Там не поймут мое отсутствие.

— Иди в редакцию. Мы тебе дадим официальную бумагу, что ты была на задании от администрации Добрыни Никитича, что почти правда.

— Гоните?! Я Вам толстая не нужна?

— Спокойно! Инга, поработай пока на стороне. Нужна будешь — найдем.

Инга резко развернулась и ушла получать и тратить деньги. Вы ели когда-нибудь целлюлозу? Нет? А что так? Прелесть еще та, она как наждак проходит по горлу, потом хлебобулочные изделия в горло не полезут, они будут для вас наждаком. В этом, вероятно, заключается секрет похудения. Сорвав себе горло, Инга перешла на жидкую пищу.

Через некоторое время она вплыла в офис фирмы, раскачивая пышными формами. Все удивленно посмотрели на нее.

— У вас нет пистолета? — спросила Инга и вытерла пот на лице.

— Инга, пистолетов полно! Но где ты так растолстела?! — удивленно спросила Марина.

— Феликс виноват, — ответила Инга, присев на диван (стулья были не ее размера). — Понимаете, господа изобретатели, меня раздувает во все стороны. Вначале я была по

весу такой, как Феликс, но он остановился в одном весе. А я все расту во все стороны! Дайте пистолет!

— Инга, живи! — воскликнул Мартин. — Есть новая модификация прибора. Я тебя сейчас перепрограммирую, и ты начнешь худеть.

— Не обманываете? — спросила Инга, прикрывая маленькие глаза от усталости.

Мартин не обманывал, это было дело чести фирмы. Он взял новый прибор "Аппетит" и настроил его на Ингу, потом поставил контроллер веса на уменьшение. Он вызвал санитаров из местного профилактория, и Ингу унесли худеть под присмотром врачей. Ингу привезли в профилакторий фирмы. Хирург был удивлен строением желудка Инги, который увеличивался после каждого приема пищи весьма странно. В нем находились три тонких кольца иноземного происхождения, именно они увеличивались в диаметре, изменяя в размерах желудок, и вызывали дикий голод у молодой женщины.

Владимиру Ивановичу осталось выяснить, как эти три упругих кольца оказались у нее в желудке. Инга рассказала, что однажды повариха Феликса дала ей три конфеты в красивых ободках. Она их проглотила целиком, но в памяти остались ободки. Спросить у поварихи о конфетах Владимиру Ивановичу не удалось, она больше не работала у Добрыни Никитича.

Владимир Иванович считал, что он разрабатывает и внедряет в жизнь безвинные электронные игрушки психотропного назначения. То, что ему показали отросток из желудка Феликса и кольца из желудка Инги, привело его в очередной транс. Но долго унывать он не мог и пришел к элементарному выводу, что кто—то кроме него вмешивается в его игру. И еще момент: материал отростка был неземного происхождения, словно к стенке желудка был приклеен некий элемент, который питался тем, что посылал ему желудок.

Кольца из желудка Инги по составу земных аналогов не имели.

Владимир Иванович решил, что это дело добрых рук Добрыни Никитича. Бред, но он видел кольца сам, собственными глазами. Она, после того как из нее вынули кольца, стала умнее. Да, она еще была толстая, но ее поведение уже вызывало уважение. Она ела все меньше и меньше, при этом прибор "Аппетит" даже не включала.

В офис вошел театральный режиссер Тимофей Куклин и спросил:

— Что здесь у вас происходит? Где наша милая журналистка Инга Зеленая? Она наша лучшая корреспондентка! Она замечательно описывала наши спектакли! И теперь нас некому афишировать в печати! Верните Ингу! — застучал он кулаками по столу.

— Господин Куклин, не шумите! Инга перенесла операцию, сейчас ей уже лучше, можете ее навестить. — сказала

Марина.

— Правда? — с надеждой спросил Куклин. — Мы без нее словно сироты никому не нужные! Без статей нам жизни нет!

На крики Куклина вышел Грановский:

— Господин Куклин, простите, Вы еще используете наши приборы "Театр" для эмоционального настроения зрителей?

— Владимир Иванович, конечно, используем! Мы все используем для привлечения зрителей: и актерские таланты, и новые постановки, и великолепные декорации.

— Вы могли бы один прибор "Театр" дать мне для проверки параметров? Потом мы Вам его вернем, — попросил Владимир Иванович Куклина, глядя ему в глаза с мольбой.

Куклин из кармана достал прибор "Театр" и протянул его Владимиру Ивановичу, который в мгновение ока ушел к себе в кабинет. Куклин пошел в профилакторий, где находилась Инга. Перед Тимофеем стояла женщина, а с нее, как с елки, свисали жировые складки кожи. Он передернулся от неожиданности и омерзения. Он вгляделся в глаза женщины:

— Инга, это ты? Когда ты стала бочкой такой? Да ты уже на цистерну смахиваешь.

— Куклин, это — я! — почти весело воскликнула Инга.

— Когда вылезешь из этого кожаного костюма, можно будет с тобой поговорить?

— Это не костюм! Это я такая! — возразила со слезами молодая особа.

— Могла бы зайти в костюмерную, взять телесный ко-

стюм, померить. Но зачем самой в костюм превращаться? Я не понял!

— Тимофей, не тронь мой жир! Мне и так несладко! Ты чего от меня хочешь?

— Театр и я лично нуждаемся в твоих статьях о спектаклях в нашем театре, о новых постановках. Слушай, ты лучше меня знаешь, что тебе надо писать!

— Могу начать хоть сегодня! Но мне нужен аванс. У меня нет еды и одежды. Да и другие расходы требуют дохода.

Режиссер Куклин вышел из профилактория без денег и без прибора "Театр".

Инга, довольная полученными деньгами, позвала на помощь Марину:

— Марина, помоги мне купить что-нибудь из одежды. Мне вечером идти в театр, а на мне только больничный халат с дырками от частого использования.

— Инга, о чем речь, поехали покупать одежду!

Дамы вышли из офиса.

Владимир Иванович сел за стол Марины, сидеть в своем кабинете ему было немного страшно. Он вскрыл прибор "Театр". Прибор был абсолютно нормальным, никого постороннего вещества в нем не было! Он вздохнул полной грудью, вытеснив из души и пяток остатки страха. Директор положил руку на руку, склонил на них голову и уснул за столом.

Добрыня Никитич лично тряс спящего Владимира Ива-

новича, пытаясь его разбудить. Но директор мычал, урчал и спал сидя так крепко, как и на перине редко спят. Глава округа сдался и сел в кресло, оглядывая пустой офис, открытые в кабинет двери. Он, не выдержав одиночества, крикнул:

— Ау, здесь есть кто-нибудь?!

Открылась дверь в кабинет менеджера, и сам Мартин показался в дверном проеме:

— Добрыня Никитич, Вы к Владимиру Ивановичу? Он очень устал. Чем могу Вам служить?

— Мартин, объясни, что вы сделали с моим Феликсом? Почему ему дважды оперировали желудок?

— А хирург ничего не сказал?

— Хирург сказал, что причину знает Владимир Иванович, а он спит крепким сном и не просыпается.

— Если я скажу, что в желудке Вашего сына обнаружили нарост неземного происхождения, Вы мне поверите?

— А за один раз его нельзя было удалить?

— Мы тогда еще не знали, что новообразование слишком серьезное и обладает свойством интенсивного роста.

— Феликс жить будет?

— Он жив, из его желудка вынули странное вещество. Хотели бы мы знать, как оно туда вообще попало? У Вас нет врагов инопланетного происхождения? Одно могу сказать, что в наших приборах такие материалы не используются. Еще нечто подобное хирурги вынули из желудка Инги. А она сказала, что помнит эти кольца, видела их маленькими

на конфетах. Конфеты ей дала Ваша повариха, которая у Вас уже не работает, это все, что мы выяснили.

— Какая длинная цепь событий! Повариха, говоришь? Не я поваров принимаю и увольняю. Супруга Нимфа Игоревна знает больше меня. Вот ее визитка, созвонишься. — сказал Добрыня Никитич и стремительно вышел из офиса.

Владимир Иванович поднял голову:

— Добрыня Никитич ушел? Молодец, Мартин, ты грудью меня прикрыл! Ценю. Слушай, ты с его женой Нимфой Игоревной сильно не заигрывай, а попытайся выяснить происхождение непонятого материала. Не тяни с этим вопросом, звони ей сейчас, а я домой поехал.

Владимир Иванович задумался: а может быть, его приборы — пустышка, и влияют на клиентов весьма иные факторы? Как всегда, додумать ему не дали, перед ним появилась Марина, качаясь на полусогнутых ногах. Глаза ее были пьяны, речь бессвязна, в руках она держала прибор "Коньячный поцелуй".

— Марина, ты пила коньяк или тебя так развезло от прибора?

— Шутите, не помню. — сказала она и трупом рухнула на пол.

Пришли санитары и унесли даму в палату—вытрезвитель. Проба на коньяк показала полное его отсутствие, алкоголя в крови не нашли и ее перевели в общую палату. Вела Марина себя неадекватно, но и запрещенных веществ в ее крови

не обнаружили. Все показатели крови были в норме, просто в идеальных пределах. Марину перевели в экспериментальную палату, куда не поступали никакие психотропные сигналы извне, но и это даме не помогло. Врачи проверили ее психическое состояние с большим трудом и ничего не смогли сказать конкретно, им все казалось, что Марина элементарно пьяна, и они отказывались давать заключительный диагноз.

Владимир Иванович взял у Марины прибор "Коньячный поцелуй", вскрыл его и ничего не понял. Он его конструировал, разрабатывал, но ничего знакомого в устройстве не было. Прибор не был пуст: в нем лежал предмет, занимающий всю внутреннюю полость. Материал Владимиру Ивановичу был не знаком, но он выделял коньячный запах такой силы, что у директора голова закружилась от неожиданности. Он закрыл прибор и положил его в герметичный сейф, предназначенный для предметов неизвестного происхождения, где уже лежали кольца из желудка Инги и кусок непонятно чего из желудка Феликса.

И тут Владимир Иванович подумал, что у Феликса в желудке остался еще кусок этого вещества. Хирург, делая ему полостную операцию, не извлек непонятный отросток полностью, а зря. Не успел Владимир Иванович отойти от сейфа, как к нему подошел Феликс и сразу завалился у его ног. Рентген ничего не показал, при операции хирург обнаружил, что поврежденное вещество заполнило весь желудок Фелик-

са. Видимо, после усечения вещество некоторое время находилось в покое, а потом стало расти с большей скоростью, словно оно рассердилось за нанесенное увечье. Феликса удалось спасти.

Владимир Иванович затаился, задумался. Он абсолютно не мог понять, что произошло с его приборами. Кто вторгается в них? Кем и когда производится замена содержания приборов? У него проскочила мысль: а что если то, что он положил в сейф, начнет расти? Директор открыл сейф, который был заполнен все тем же веществом. Он резко закрыл сейф. Это уже кое-что: вещество любит заполнять полости.

Но откуда оно взялось на его голову?

Мужчина ощутил нервную дрожь. У него возникло чувство страха. Ужас пронзил его насквозь. Его мышцы сжались. Усилием воли он взял с демонстрационного стенда прибор "Страх". Открыл его, но и в нем находилось вещество, извергающее из своих недр ощущения страха и ужаса. Он быстро закрыл прибор, боясь, что вещество заполнит весь кабинет. Его трясло, он ежился, у него возникло ощущение, что он стал меньше в размерах. Владимир Иванович буквально на коленях выполз из кабинета и растянулся у стола.

На его счастье, Марина вернулась на свое место, после того как он забрал у нее опьяняющий прибор. Она укрыла его дежурной шалью, напоила чаем. Владимир Иванович пришел в себя. Сидя в кресле для посетителей, он слегка дро-

жал, но необъяснимый страх потихоньку его покидал. Он не любил говорить. Он любил думать. Марина, зная его особенность, не отвлекала его разговорами.

В офис вошел Мартин и сказал:

— Продажа приборов идет хорошо. Нарекания от потребителей практически не поступают. Надо заказать на изготовление дополнительные серии.

— Быть не может, — возразил Владимир Иванович. — Должны быть недовольные среди тех, кто купил наши приборы! Да кому нужно то, что мы делаем?

— Нужно — покупают — платят. — сказал Мартин и спросил: — Что с Вами, Владимир Иванович?

— Кошмары меня преследуют! Я не знаю, как от них избавиться, — отговорился он от вопроса.

— Владимир Иванович, люди просят успокаивающие приборы, даже название придумали — "Плес".

— Если платят — сделаем. — сказал Владимир Иванович и сам себе не поверил. Он поймал себя на мысли, что биологическое вещество, которое заменяет электронное устройство, весьма перспективно. Но кто Конек—Горбунок, поставляющий вещество, — неизвестно. Он встал и ушел в кабинет.

Марина и Мартин остались одни.

— Марина, что с Владимиром Ивановичем происходит?

— Это не с ним, а со всеми нами происходит, а что именно — я не знаю. Шеф не отвечает.

Мартин подумал, что он должен посетить жену Добрыни Никитича. Пусти козла в огород или Мартина к новой даме! Осваивать пространство незнакомых женщин — его хобби. Он позвонил жене Добрыни Никитича, госпоже Нимфе Игоревне. Ее голос и через телефонную связь приятно подействовал на его слух. Они договорились встретиться немедленно, ведь речь шла о здоровье ее сына Феликса, а такая тема открывала дверь в ее дом мгновенно.

Мартин даже не пытался представить, как выглядит первая дама округа Изумруд. Он предполагал увидеть частный дом за каменным забором, но увидел фешенебельный многоквартирный дом, стоящий за металлической изгородью с выкованными диковинными животными, покрытыми серебристой краской. Он нажал на звонок, расположенный на панели рядом с дверями. Если судить по числу звонков, то число хозяев в доме было невелико, но велики у них были квартиры. Дверь открылась. За Марином пришел мужчина в светлом костюме с галстуком и проводил его к хозяйке.

Ноги Мартина прошли по светло—серой плитке, поднялись по лестнице, зашли в лифт, большой и светлый, пересекли роскошный паркет и остановились у двери в квартиру. У него возникло ощущение, что сопровождающего его красавца он уже видел, но при других обстоятельствах. Дверь открылась.

Навстречу Мартину выплыла в развевающихся голубоватых шелках прекрасная женщина. Она была очаровательна в

легких волнах густых волос, струившихся по плечам до пояса. Молодая особа была стройная, роста среднего, с идеальным лицом. Нимфа Игоревна собственной персоной остановилась перед Мартином и жестом пригласила его пройти за ней к мягкой мебели, обтянутой голубоватой кожей. Они сели в кресла. Перед ними стоял овальный столик, покрытый толстым стеклом, под которым были видны живые рыбки, плавающие в аквариуме, расположенном чуть ниже прозрачной столешницы. Столик и кресла стояли на кучерявом голубоватом ковре.

Глаза Мартина невольно оторвались от внешнего облика Нимфы Игоревны и уставились на рыбок, плавающих практически у его колен.

— Мартин, так что Вы хотели у меня выяснить? — спросила женщина певучим голосом.

— Нимфа Игоревна, в желудке...

— Так, меня не интересует содержимое желудков! Кто конкретно Вас интересует?

— Меня интересует повариха из квартиры Феликса, расположенной на проспекте Изумруд.

— Хорошо, но у него не было поварихи! У него был повар! Вы ничего не путаете?

— Так говорит журналистка Инга Зеленая, жившая у Феликса, пока он худел, а она толстела.

— О Инге—журналистке я слышана.

— Нарцисс, подойдите ко мне. — сказала Нимфа, нажав

на кнопку, расположенную в подлокотнике кресла.

В комнату вошел человек в светлом костюме и в галстуке.

— Нарцисс, молодой человек утверждает, что у Феликса была повариха на проспекте Изумруда.

— Нимфа Игоревна, Вы прекрасно знаете, что Феликс жил в трех или пяти квартирах одновременно, расположенных в разных концах города для быстроты приема пищи. Видимо, повара переходили из квартиры в квартиру, и вполне возможно, что в какой—то момент они сменили место работы.

— Но я не давала разрешение на работу поварих, я брала только мужчин—поваров, чтобы мальчик в них не влюблялся!

— Так мы и взяли немолодую женщину—повара, вряд ли бы он в нее влюбился!

— Хорошо. Получается, что женщина—повар была. В чем она виновата? — прервала Нимфа Игоревна.

— Повариха дала Инге и Феликсу продукты, содержащие вещество неземного происхождения. Инга утверждает, что кольца она видела маленькими на конфетах, она пыталась их снять с конфет, но они не снимались, и она их проглотила. Феликс съел другую конфету, — ответил Мартин.

— Нарцисс, видишь, к чему приводит твоя самостоятельность? — величественно спросила Нимфа Игоревна.

— Повар сама конфеты не делает, их привезли из округа Пики готовыми! — выкрикнул Нарцисс.

— Проверим поставщиков. Как скоро Вам нужна информация? — засуетился Нарцисс.

— Вчера, — буркнул Мартин, заметивший взгляды между парой.

— Нарцисс понял, что ему надо найти поставщиков загадочных конфет, о результатах непременно Вам сообщим. — сказала Нимфа Игоревна Мартину с прощальной улыбкой. Она медленно поднялась с кресла и растворилась в голубоватом шелке портьер.

Глава 3. Многоярусный столик

Мужчины остались одни с рыбками в аквариуме. Мартин понял, что никто ничего не найдет, и пошел к выходу в сопровождении Нарцисса.

Владимир Иванович, выслушав отчет Мартина, предположил:

— Нарцисс приехал из округа Пики и работает в доме Нимфы Игоревны? Вероятно, он знаком со шпионом Пионом. Мы у него ничего не узнаем, скорее всего, он и добыл эти конфеты! Тем более что Нимфа Игоревна реагировала на ситуацию весьма спокойно! Возможно, они сами подложили конфеты, чтобы Феликс похудел, но не ожидали, что все так получится.

— Если Нарцисс — человек Нимфы Игоревны, то чей человек Илья Львович? — спросил Мартин.

— Илья Львович — человек Добрыни Никитича! У них семейные разборки на уровне правительственных реформ, — усмехнулся Владимир Иванович.

— А где Нарцисс берет неземное вещество?

— Слушай, Мартин, я не разведчик! Мы теперь знаем, через кого вещество появилось в квартире Феликса. Где Нарцисс его взял — интересно, но нам этого пока не дадут узнать. Думаю, что шпион Пион дал неизвестное вещество Нарциссу. Хотелось бы знать все свойства данного вещества

из округа Пики.

— И почему Вы такой умный?! — воскликнул Мартин и ушел на свое место.

Журналистка Инга Зеленая в театре произвела фурор. Она явилась в балахоне, словно сшитом из вишневых бархатных портьер, на себя абсолютно непохожая. Все актеры сочли своим долгом сказать ей, что она прекрасна и хорошо выглядит. И никто не рассмеялся. Все были сдержаны с ней и корректны. Она радовалась возвращению в театр и с удовольствием взирала на сцену. Инга уже что-то строчила в миниатюрный ноутбук.

Феликс из больницы приехал домой, лег, вызвал повара и приказал ему подать всю еду, что он приготовит. Мужчина— повар приподнял белый колпак от растерянности, потом водрузил его на голову и пошел на кухню готовить и подавать еду по мере готовности молодому хозяину. Желудок у Феликса еще болел, но он считал, что он голоден больше всякой боли. После операции его шов смазали такой чудесной мазью, что шрам исчез практически на глазах, поэтому Феликса быстро выписали домой под наблюдение медсестры.

Медсестра пришла в разгар трапезы и чуть чувств не лишилась от пиршества больного. Она запретила Феликсу кушать в таком количестве. На замечание он едва махнул рукой. Она его пугала тем, что шов разойдется. Но он был невменяем. Он ел! Она позвала повара и стала его увещевать, но ее голос никто не слышал. У них были разные зада-

чи. Медсестра позвонила в профилакторий. Ей по телефону посоветовали перезвонить Владимиру Ивановичу.

Владимир Иванович выслушал медсестру и сказал, что скоро сам к ним приедет. Он взял с собой два прибора "Аппетит" из последней серии и один прибор "Страх" со странным веществом. Он настроил три прибора и направил их на Феликса, поставив "Страх" между двумя "Аппетитами", и попросил медсестру в это время говорить о необходимости прекратить потребление пищи.

Феликс еще немного пожевал и вдруг отодвинул от постели многоярусный столик на колесиках. Его знобило. Он округлил глаза и попытался что—то сказать, но язык его заплетался. Он замолчал. Лег. Сжался. Медсестра его укрыла и сделала укол. Он уснул. Владимир Иванович показал медсестре, как надо пользоваться приборами, и покинул дом на проспекте Изумруда.

Через некоторое время к Владимиру Ивановичу пришел грустный Феликс, чтобы сказать спасибо за то, что он своими приборами "Аппетит" и "Страх" ограничил его потребление пищи без третьей хирургической операции. Владимир Иванович и сам видел, что Феликс неплохо выглядит, но уж очень он был подавлен. Настроение у него было хуже физического состояния.

— Феликс, в чем твоя новая проблема, если с аппетитом ты справился? — спросил доверительно Владимир Иванович.

— Владимир Иванович, причина простая. Ингу от меня увел режиссер Тимофей Куклин, у Куклина ее забрал Ваш менеджер Мартин, а теперь вокруг нее вьется неуловимый шпион Пион. А мне что делать прикажете?

— Ты смотри, какая журналистка популярная женщина! Какие люди вокруг нее! Мне, что ли, приударить за ней? — нарочито весело спросил Владимир Иванович.

— Вас еще мне не хватало! — рассердился Феликс, сверкая гневным взглядом.

— Хорошо! — невольно воскликнул Владимир Иванович. — Ты, Феликс, молодец! Возьмешь новый прибор "Сердечко—2" и переориентируешь Ингу на себя. Все просто!

— У меня что-то было на этот счет! — неуверенно проговорил молодой человек.

— Есть новый вариант прибора, более сильный. — сказал Владимир Иванович, думая о приборе "Сердечко—2".

— Стыдно женщину возвращать с помощью прибора "Сердечко—2", — уныло проговорил Феликс.

— Тогда трать деньги батюшки Добрыни Никитича! Иди своей тропой! Иди к Марине Романовне прямо сейчас! Она тебя научит, как надо любить! — прокричал Владимир Иванович, не думая о последствиях своих слов.

Феликс, покинув кабинет Владимира Ивановича, напрямик пошел к Марине.

— Марина Романовна, шеф сказал, что Вы покажете мне, где можно потратить деньги отца для улучшения моей внеш-

ности!

В нее словно впрыснули живую воду, услышав, что есть деньги для трат. От слов Феликса она оживилась куда больше, чем от букета шпиона Пиона.

— Феликс, я так понимаю, что Владимир Иванович меня с тобой отпустил, что у тебя есть электронная карточка с большими деньгами?

— Марина Романовна, Вы правильно меня поняли. Ответьте меня по свои волшебным маршрутам красоты!

Для подобных случаев Марина подыскала себе замену по имени Машенька и уже устроила ее на работу, она лишь поджидала, когда возникнет нужная ситуация. Машенька словно ждала звонка.

— Добрый день. — сказала Марина в телефонную трубку, — Машенька далеко? Позовите ее, пожалуйста!

Феликс искренне рассмеялся, увидев входящую в дверь девушку.

— Марина Романовна, я уже здесь! — сказала Машенька. Марина повернула голову с телефонной трубкой:

— Отлично, а то мне ответили, что Машенька далеко, а она уже здесь! Машенька, приступайте к своим обязанностям. Я о них Вам говорила, сейчас Ваш звездный час для выхода на работу! Меня Владимир Иванович отправил в местную командировку, и надолго.

Инга неожиданно для себя скучала о Феликсе. Тимофей Куклин и Мартин прошли по ее жизни, не зацепив душев-

ных струн. Ей казалось, что Феликс вцепился в нее, как скалолаз в уступ на скале, и не отпускает от себя. Она думала о нем, зная о его постоянных проблемах с перееданием. Инга без Феликса и приборов постепенно худела. Она медленно становилась нормальной женщиной. Она меняла одежду на меньшие размеры и была почти счастлива. Но, вспоминая жизнь у Феликса, она иногда хотела к нему вернуться.

Журналистка не выдержала и позвонила своему "сосуду по перекачке жира" — так мысленно она Феликса иногда называла. Феликс, измученный ограничениями в питании, страшно обрадовался звонку Инги. Они встретились в парке под падающей желтой листвой. Они вновь были в одной весовой категории, не худыми и не полными, но упитанными. Это их порадовало. Теперь они были уверены в том, что вес не будет бегать с одного на другого.

Молодые люди присели на скамью, сбросив желтые кленовые листья, посмотрели на солнечное небо, на листопад и рассмеялись звонко и непринужденно. Оказалось, что Феликс был почти образованным человеком, он лишь немного не осилил университет Изумруд из-за полноты, вызывающей насмешки сокурсников.

Еще одна неожиданность. Инге Феликс предложил выйти за него замуж, и вновь предложение ей сделал человек, который на нее влиял своими флюидами, но всему свое время, их отношения устарели и завяли. Сейчас только редкие звонки остались от былых пылких чувств. Гены по линии отца Инге

передались удивительные, кому они доставались, долго выглядели моложе своих лет. Это она с детства наблюдала. И вот результат.

Так выходить замуж за старого друга или нет?

Свинцовые тучи потеснили белые кучевые облака. Стало немного спокойней. На окнах разводы повышенной влажности. В душе отголоски переживаний. И тишина. Замужество. Снова лишать себя относительной свободы перемещения, которая не очень нужна.

Разговаривать одной со стенами не очень хотелось. Перекочевать к бабулям на скамейку, на которой сидят выпадающие из этой жизни люди, что-то не манило Ингу. А так можно оттянуть иллюзию счастья, которое маячит, а если маячит, значит, бывают и минуты радости. Вот в эти минуты былой радости и надо выйти замуж, несмотря на все препоны, которых и нет. Чьи—то вкусы и требования будут настойчиво вторгаться в ее жизнь.

Вот представьте, если бы вы знали при жизни Ахматовой, что она Ахматова? Может, ей тоже предложили бы руку и сердце? И сразу бы стали фигурой более значительной? Как много девушек выходит за более старых и достигших чего—то в жизни мужчин! Но посмотрите и на обратную тенденцию: женщины, достигшие мировых высот известности, тоже подвержены замужеству на молодых мужчинах.

О, мадам Инга чего достигла? Она стала главным специалистом? Нет, теперь ей осталось выкрутиться из замужества,

синусоида повернулась стороной мудрости. Почему принимает она такое решение? Бывают в жизни счастливые моменты. Если экономические связи ослабли, то и санкции носят профилактический характер, но если резать по живому, то больно. И все же Феликс и Инга поженились.

Фишка к фишке. Домой пришел муж Феликс, который разозлился на черепах и ударил по аквариуму рукой, стекло и разбилось. Аквариум стоял на тумбочке, черепахи из аквариума не могли выбраться, но вода могла, и она лилась из разбитой части аквариума на пол, на палас. Пришлось ему пересадить черепах в пластмассовый квадратный тазик, налить им воды, потом снять палас и замочить его в ванне дополнительно.

Инга пришла домой и с порога увидела картину разгрома. Черепахи выросли. Одна из них умудрилась сильно укусить за палец мужа, вот он и разозлился. Результат? Унесли черепах в живой уголок.

На мужа напала лень, черепахам воду менять теперь не нужно, так ему и на работу расхотелось идти, а на этой работе и без него проблем хватает, и без него его работа стоит.

Жена сказала ему, что после пяти прогулов с его стороны она с ним разведется, а сегодня он прогуливал уже шестой раз, пусть не подряд, но уже шестой раз. Вот тебе и муж — ленивец. Муж дома в один из прогулов решил заменить переключатель—выключатель. В нем свет от трех малых помещений и одна розетка. Выключатель работал в четырех вари-

антах, потом розетка перегорела, и купили новую пластмассовую оболочку. Муж, потратив несколько часов на установку переключателя, добился лишь выполнения двух функций. Кухня осталась без света, розетка не работала.

Три недели жили с настольной лампой на кухне, потом пришел старый электрик. Он провозился три часа с переключателем, вздыхал, кряхтел, говорил, что потерял квалификацию, но все хвосты из проводов найти не мог. И решил он вскрыть часть стены над переключателем, потратив еще полчаса на поиск проводов, он добился четырех функций от одного совмещенного переключателя. Свет на кухне загорел, розетка заработала. Муж скромно спал с закрытой дверью, пока старый электрик завершал его работу.

Когда говорят, что на ночь есть нельзя, особенно булки, можно утверждать, что это ложь. Мужу утром кушать лень, в обед слегка поест, и начинает он есть усиленно после пяти вечера, к десяти вечера в ход идут все виды булок, чипсов, молоко стаканами или сок стаканами, еще и мороженое добавит, а утром встанет на весы — худоба, одни кости голодные.

У Инги возникла мысль, что не надо было выселять людей, они могли бы жить, поскольку продажа квартиры — дело длительное. Домов новых настроили тьму, и старые дома тяжело продаются, нужно случайное совпадение всех факторов.

Феликс предложил Инге пожениться и организовать семейный бизнес. Инга согласилась выйти за Феликса замуж, но она отказалась участвовать с ним в его бизнесе. Она сказала, что ее устраивает работа журналиста. В честь обручения молодой человек подарил Инге новый автомобиль марки "Изумруд", который уже стоял у входа в парк. Инга от неожиданности похлопала ресницами, улыбнулась, погладила машину и подняла глаза на потенциального мужа:

— Феликс, я согласна быть твоей женой. Я согласна заниматься с тобой одним бизнесом!

— Отлично, Инга! Твой бизнес — готовить нам еду и не пускать посторонних на нашу кухню!

— И это все?! Ты хочешь из меня сделать кухарку?! А я-то думала! — возмутилась молодая особа.

— Пойми, еда для нас с тобой — очень серьезный вопрос.

— Прости, Феликс, я поняла. Я согласна готовить на двоих, но тогда оставь мне журналистику. Я все успею!

— Я в этом не сомневаюсь. Считаю, дорогая, что мы с тобой договорились. Про мой бизнес хочешь узнать? Мне отец предлагает объединить фирмы трех Ивановичей и стать президентом нового концерна "Изумруд".

— Подожди, то есть ты будешь руководить тремя маститыми изобретателями и держать их продукцию под контролем? Они же упрямые, эти самые изобретатели! Много ты с них не наваришь! — глубокомысленно заключила Инга — журналистка.

— За их новинками постоянно охотятся резиденты разведок соседних округов, поэтому отец считает, что все должно быть под контролем у меня!

— Твой отец, Добрыня Никитич, правильно считает. Но лично тебе не справиться с тремя личностями.

— Почему ты обо мне плохо думаешь? Я могу быть суровым.

— При работе с изобретателями нужна гибкость мышления не хуже, чем у них!

— Инга, я умный человек.

— Феликс, возьми себе человека для связи с изобретателями, тогда ты дело не завалишь.

— Интересно, я и не собираюсь сам бегать между тремя учеными! Хотя мысль нормальная, кого предлагаешь для связи?

— Себя. Я буду работать по связи с изобретателями.

— Инга, ты только что отказалась от участия в моем бизнесе, а теперь себя предлагаешь для связи и руководства тремя китами округа!

— Я не думала, что дело, которым ты собираешься заниматься, такого масштаба!

— Так и я не маленький! Я тоже испытал приборы Владимира Ивановича на собственной шкуре, да и ты с ними неплохо ознакомилась!

— Хорошо, а конкретно, где находится твой офис, или, точнее, здание концерна?

— Молодец, Инга. — сказал Феликс, уводя ее в парк от машин, — хорошие вопросы задаешь. Ответь на них сама как мой заместитель в семье и работе.

— Хитрый, ты. Ладно, скажу. У Владимира Ивановича есть поддержка Добрыни Никитича, есть свой завод и научный потенциал, есть профилакторий. У Глеба Ивановича есть поддержка Нимфы Игоревны, и по наследству от микробиолога ему досталось живое вещество, и имеется своя лаборатория. У Бориса Ивановича есть торговая фирма по продаже автомобилей, лаборатория по разработке нетривиальных приборов для автомобилей. У него в штате крутится твоя сестра Вика. Делаю вывод, что твоя семья держит все нити округа в своих руках! Но тебе предлагают объединить трех ученых и трех членов твоей семьи! А это намного труднее!

— Я восхищаюсь тобой, Инга! Когда ты успела узнать то, что никто не знает?

— Феликс, я кем работаю? Я где лежала в больнице? Я с кем общаюсь?

— Понял, что мне концерн не потянуть.

— А свадьбу тоже отменишь? — разочарованно спросила Инга.

— Я не знал, что мои родственники протянули руки ко всем изобретениям до меня.

— Не будь трусом! Твоя сестра Вика уезжает учиться в округ Пики. Борис Иванович для тебя свободен! Твоя мать

предложила мне своих биологических летучих мышей. Они ей надоели! Твой отец так занят властью, что ему не до чудес Владимира Ивановича. Видишь, ты один можешь быть владельцем и руководителем нового концерна!

— Я тебя боюсь, ты все знаешь, — прошептал Феликс и сел на ближнюю скамейку, сбросив с нее желтые листья пачкой бумажных носовых платков.

— Опять не угодила, — вздохнула Инга, садясь рядом с Феликсом. — Знаешь, что я тебе скажу?! Брось ты это дело — объединять трех непокорных мужчин! Они, если надо, сами объединятся, а если им не надо, они друг о друге не вспомнят.

— Но отец уже выделил деньги на строительство здания концерна! Мне что, отказаться? И земля под строительство тоже выделена! Кстати, ее с этой скамейки видно. Я не зря тебя сюда привел! — и Феликс указал рукой на место будущего здания.

— А давай там новый театр построим! Место отличное, подъехать к нему легко!

— Тимофею Куклину сделать подарок? Да пошел он!

— Тебе не пристало так говорить, он — главный режиссер драматического театра.

— Совсем не интересно. Я с тобой ничего сам не могу сделать, ты лезешь во все вопросы! Я уже есть хочу! Мне все это надоело!

— Машина — моя? — спросила Инга, чувствуя смену на-

строения исчезающего жениха.

— Машина — твоя. — сказал Феликс, протягивая ей ключи и бумаги на машину и быстро уходя от всезнающей Инги—журналистки.

Инга не побежала за Феликсом, а посмотрела на бумаги, покрутила ключи от машины, посмотрела еще раз на место, отведенное под строительство. Она села в новую машину и поехала к Грановскому. Она рассказала ему о планах Добрыни Никитича, которых боится Феликс.

— Инга, что я тебе скажу? Да ничего! Мне не нужны еще два Ивановича! Мне себя много!

Инга взяла на себя роль командира.

— Владимир Иванович, но Добрыня Никитич от своего плана не отступится. Я Вам сообщила информацию первому, чтобы Вы определили свое место в будущем концерне!

— Спасибо, но знаешь, — Владимир Иванович замолчал, не зная, что ему сказать, предложение об объединении трех Ивановичей оказалось для него полной неожиданностью.

— Я скажу Феликсу, что Вы согласны на объединение. Правда, добавятся общие работы, тогда возьмете себе помощника.

— Меня радует, что журналистка будет мной руководить!

— Гордость заела Вас и Феликса. Не буду я Вами руководить! Я просто умею узнавать информацию и вовремя ее подавать, а технические проблемы меня не интересуют.

— Замечание принято. Уж лучше ты, чем Нимфа Игоревна. Согласен я — на объединение и твою тактичность.

— О, отлично! Тогда пишите, чего Вам не хватает для работы с психотропными приборами.

— Это мы непременно напишем, — улыбнулся довольный Владимир Иванович.

Инга поехала домой, на сегодня с нее было достаточно. Владимир Иванович позвонил Глебу Ивановичу, они поговорили о будущем объединении. Глеб Иванович позвонил Борису Ивановичу. Мужчины согласовали свои требования к новому концерну. На следующий день они отправили по факсу резюме прямо Инге в редакцию. Инга взяла три подборки требований и пошла к Феликсу. У того от удивления слов не было. Инга за сутки прокрутила первый пункт его деятельности, его вовсе не напрягая. Феликсу это сильно понравилось.

Вечером Феликс появился перед отцом. Добрыня Никитич обрадовался, что его сын хоть на что-то способен, и на радостях разрешил ему жениться не на принцессе из округа Пики, а на Инге—журналистке. О свадьбе Инги и Феликса информация прошла по всем средствам массовой информации. Прибыли делегации из соседних округов. Вика не приехала на свадьбу брата, ей было не до него, она училась.

Первые снежинки падали на фату невесты, когда Инга и Феликс шли из машины до дворца бракосочетания. Неожиданно над ними выпустили стаю голубей, и только те взле-

тели, как над головами пролетели биологические мыши и, нежно коснувшись гостей, исчезли в открытой двери фургона.

Регистрация брака прошла на высшем уровне. Ресторан вместил нужных людей для продолжения банкета. Молодых оставили в шикарном гостиничном номере, расположенном над рестораном, созданным для молодоженов и снабженным всем необходимым для создания счастливой брачной ночи. Но кто знает, чего больше было на гигантской кровати: слез или любви?

И вот тут Инга поняла, что с Феликсом любовь — это напряг. Он слишком ленив для любви. Он настолько сытый, что, коснувшись пышной постели, заслуженно захрапел, словно выполнил все задачи, поставленные на этот день. Она села в кресло и посмотрела на спящего молодого мужа, настолько молодого, что не ставшего ей мужем в традиционную для этой цели ночь.

И тут она вспомнила томные взгляды Бориса Ивановича, сидевшего в ресторане за соседним столиком. Это был закоренелый холостяк, который на свадьбу пришел один. Ей страстно захотелось обнять мужчину, пусть даже чужого, главное не спящего в свадебную ночь! За окном послышалось певучая мелодия, исходящая от множества машин. Это Борис Иванович переставил всю охранную сигнализацию и создал поздравительную мелодию из тревожных сигналов.

Это было нечто!

Инга подошла к окну и увидела среди машин Бориса Ивановича, смотрящего в ее окно! Он махнул рукой, и к окну Инги подъехала машина с ковшом. Инга открыла окно и перешагнула в ковш, который плавно опустил ее к Борису Ивановичу. Он взял ее на руки и опустил перед своей машиной весьма внушительных размеров, похожей на растянутый в длину джип. Они сели в машину и уехали в сторону его дома.

Борис Иванович жил не в столице округа Изумруд, а в пригороде на берегу чудного озера в небольшом двухэтажном коттедже. У него была спальня с квадратной кроватью, на которую и принес он невесту в свадебном платье, не измятом ее спящим мужем...

Кавалер выкрутил свет до минимума и предложил своей даме посетить ванну, оказавшуюся квадратным бассейном. Вода так быстро наполнила емкость, что Инга удивиться не успела, как оказалась в воде с комочками морской соли. К бассейну подошел Борис Иванович в спортивных шортах и опустился к ней в воду.

Инга была очень мила с красивой прической на голове и маленьким цветочным украшением. Они приникли друг к другу трепетно и нежно. Он гладил ее молодое тело. Она копировала его движения и гладила его мускулистое тело с нежной порослью волос. Он плавал вокруг нее. Он смешил ее. Он завлекал молодую и чужую невесту. Инга не выдержала, она резким движением подплыла к Борису Ивановичу,

обняла его судорожно и страстно. Он поднял ее на руки и положил на лежбище, покрытое красно—вишневым шелком.

Остатки одежды они сбросили одновременно. Жизнь закрутилась со скоростью ласк. Их тела желали друг друга. Их губы искали друг друга. Их прикосновения носили все более страстный и темпераментный характер. Они не смущались, а были полностью подчинены власти любви. Они любили друг друга...

Гости из ресторана разъехались под утро, не вспомнив о молодых. Феликс проспал до восхода солнца, пока оно не засветило в глаза. Он проснулся и увидел нетронутое поле гигантской постели. Защемило сердце тоненько и верно. Инги рядом с ним не было, не было и ее свадебного платья.

— Вы что, не в курсе? Отстаёте от счастья? — улыбнулся Глеб Иванович. — Борис Иванович украл невесту Ингу из опочивальни молодого мужа Феликса и увез к себе в пригород.

— Молодец Борис Иванович! Не дремлет! — бравурно воскликнула Марина, чувствуя, что перестает быть предметом разговора.

— Этот холостяк украл невесту?! — искренне удивился Владимир Иванович. — А мы уехали до этого события. Я ничего не знал.

— Вы телевизор включите, там только об этом и говорят. Усадьба Бориса Ивановича окружена журналистами, там все снимают! Информация расходится по всему миру!

— А мы телевизоры отключили, думая, что все программы новостей только о назначении Марины и говорят, — заметил Владимир Иванович.

— Борис Иванович затмил всех! — воскликнул довольный Глеб Иванович.

— Глеб Иванович, чему радуешься? — удивилась Марина.

— Борис Иванович всегда был самый неприступный, а тут Ингу отхватил в подвенечном платье прямо с кровати новобрачных! Как на это Добрыня Никитич посмотрит? Я уж не говорю о Феликсе, — ответил Глеб Иванович.

— Это любовь, — рассмеялась Марина.

— Получается, что мы были на свадьбе Бориса Ивановича, а не Феликса! С него причитается! — усмехнулся Владимир Иванович.

— Интересно, как он выкрутится из этой ситуации?

— Надо у него спросить, — ответил Глеб Иванович и достал сотовый телефон.

Но телефон хранил молчание.

Глава 4. Пришелец из округа Пики

Борис Иванович смотрел в окно на журналистов, окруживших металлическую изгородь его усадьбы со всех сторон.

— Инга, за оградой твои собратья по перу собрались. Они ждут интервью из первых уст. Хочешь поговорить?

Инга вылезла из-под красно-вишневого шелкового одеяла, посмотрела спящими глазами на Бориса Ивановича и сонно вздохнула.

— Не хочу я говорить, я спать хочу, — промурлыкала чужая невеста.

— А люди работают! Им на тебе сегодня надо деньги сделать! Пойди, поговори да отправь их на все четыре стороны света.

— Хорошо, я встану, а Феликса среди них нет? — тревожно спросила невеста без места.

— Не вижу. Спит еще.

Инга сообразила, что кроме свадебного платья у нее ничего нет, если не считать мужской рубашки Бориса Ивановича. Она надела его рубашку и вышла на балкон. Журналисты захлопали руками, засверкали вспышками, зажужжали камерами.

— Доброе утро всем! — крикнула Инга. — У меня все нормально!

Раздались смешки со всех сторон. Она фыркнула и скрылась в доме. Журналисты большего выступления от нее и не ждали.

Режиссер Тимофей Куклин получил информацию о местонахождении Инги от ее коллеги по газете. Он был рад непредвиденной раскрутке журналистки, но его интересовало и мнение Добрыни Никитича на этот счет. Куклин позвонил Феликсу, чтобы узнать, как он себя чувствует. Феликс молчал, урчал и ничего путного не отвечал. Куклин решил, что пусть Инга сама выпутывается из этой ситуации, а он подождет ее возвращения.

Инга опять была в ситуации, когда надеть на себя ей было нечего, не в свадебном же платье возвращаться домой?! Первый снег растаял, но холод остался, а она почти без одежды находилась на чужой даче! Дом Бориса Ивановича она приняла за его дачу и не более того.

И она решила нагнать!

— Феликс, — проговорила Инга по сотовому телефону брошенному жениху, — привези мне одежду! Я на даче Бориса Ивановича. Ты не знаешь, где его дача? Он тебе расскажет.

— Инга, спасибо, что ты нашлась! Но пусть он тебя домой на машине в своей одежде отвезет! Тебе не привыкать быть чучелом!

— Так ты на меня не сердишься?

— С какой стати мне сердиться? Я поел, выспался, теперь

лежу и смотрю на тебя по телевизору, как ты на балконе в мужской рубашке стоишь.

— Вот видишь, мне выйти из дома не в чем!

— Да, ты неподражаемая женщина! Слушай, Инга, я против того, чтобы после Бориса Ивановича ты ехала ко мне.

— Феликс, Борис Иванович предлагает мне остаться у него. Одежду он мне сюда привезет. Все. Пока! — крикнула Инга в трубку и обняла Бориса Ивановича.

Феликсу позвонила мать, Нимфа Игоревна:

— Сын, ты попал в такую переделку! Не ожидала я этого от Инги!

— Мама, все отлично! Я стал популярным сам по себе!

— Такой популярности не позавидуешь! Твоему отцу и мне со всего мира пишут всякую чепуху! Мне стыдно за тебя!

— Глупости! Я чист и вовремя остался свободным.

— Феликс, мы найдем тебе другую невесту!

— Невест мне больше не надо, мне и так хорошо.

Тем временем на разработки Владимира Ивановича под село местное управление разведки, они любили брать разработки даром. Они нормальные люди и находились на бюджете округа Изумруд.

А тут Владимир Иванович Грановский — кладезь технической мудрости! И все рядом, и под рукой, и кем—то оплачено. Как не взять то, что уже есть? Владимир Иванович не возмущался. Он знал местных агентов. Чаше других к ним

заходил Илья Львович.

Илья запал на часы, которые прослушивают и мелкими печатными буквами выдают текст, что очень удобно, когда нет возможности прослушивать. Пока он оценивал часы, успел заметить Марину. Она ему всегда нравилась. Она давно уже не баловалась прибором "Коньячный поцелуй" и была хороша во всех отношениях. Он решил привлечь ее к своей работе в разведке или шпионаже, что все равно масло масляное. Ему нужна была для приманки такая красивая девушка, как Марина!

Владимир Иванович понял Илью, но не спешил отдавать Марину в другое ведомство. Вскоре ему позвонил сам Добрыня Никитич и поблагодарил за излечение сына Феликса. А потом он попросил отдать Марину для выполнения важного задания округа Изумруд. Марина допила чай с конфетой и пошла с Ильей в правительственное задание округа.

В округ Изумруд прибыл шпион Пион и прямым ходом направился в ресторан "Изумруд", где с первого взгляда заметил одинокую женщину, столь шикарную, что подошел к ней сразу. Марина лениво посмотрела на пришельца из округа Пики. Шпион Пион оказался привлекательным мужчиной, стройным и обаятельным. Его глаза сияли холодной сталью. Его волосы переливались от всевозможных оттенков. Он был модным и не более того.

— Салат с кальмарами в винном соусе, — проговорил шпион Пион, глядя на тарелку Марины.

— Ромштекс со спаржей, — ответила она.

Они оскалились в приветливых улыбках. Его глаза сверкнули и погасли. Ее глаза приветливо посмотрели на него и померкли в новых впечатлениях.

— Пион, — проговорил мужчина.

— Марина, — ответила она.

Они еще раз мило улыбнулись. Зазвучала музыка. Они одновременно вышли танцевать. Марина была в узком черном платье с разрезом от бедра. На ее груди, прикрытой тканью, блестел большой голубоватый камень в окружении синих камней, сидящих каждый в своем золотом гнезде, объединенных золотой цепью. Его стальные глаза приобрели мистический отсвет от камней. Шпион Пион кружил Марину вокруг себя, прижимая к себе все ближе и ближе. И вот в какой-то момент он резко в бок выкинул ногу под прямым углом и пару раз ею дернул. Тот человек, которого он достал ногой, упал. Шпион Пион поставил перед собой Марину и стал выходить в служебную дверь, закрываясь дамой, словно ширмой.

Марина вынула из сумки прибор "Коньячный поцелуй" и резким движением назад послала дозу аэрозоля крепкого коньяка прямо в открытый рот шпиона. Он от неожиданности расцепил объятия и одной рукой попытался вытереть лицо. Она выскользнула из руки мужчины и отбежала в сторону портьеры, быстро скрываясь за ней, где ее ждал Илья. Он и показал, где ее ждет Владимир Иванович, и вышел в зал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.